

СЕРГІЙ БУДА.

ЗАСЛАННЯ МИК. ВАС. КОВАЛЕВСЬКОГО.

(Ненадрукована стаття і листи М. В. Ковалевського).

М. В. Ковалевський скрізь, де йому доводилося жити, притягав до себе увагу політичної поліції, а часом був їй мов та сіль в оці. Правда, місцеві органи жандармерії не мали змоги зробити підсумки усій його діяльності, бо знали про нього здебільшого тільки те, чим він визначився в сфері догляду того чи того з цих органів; але славнозвісний III відділ «собственной его императорскаго величества канцеляріи», що в йому, як у центральному органі політичного догляду, скупчувалися дані з усіх місць, зробив це ще в січні 1878 р., коли в наслідок доносів начальника полтавської жандармської управи полковника Баніна, знято питання про звільнення Ковалевського з учительської посади у петровській військовій гімназії в Полтаві. У зв'язку з цією справою III відділ дав таку довідку про Ковалевського: «Учитель петровской полтавской гимназии надворный совѣтникъ Николай Васильевичъ Ковалевскій въ настоящей должности состоить съ августа минувшаго (себто 1877) года. До этого онъ короткое время служилъ въ 3-й с.-петербургской военной гимназии преподавателемъ математики, а передъ тѣмъ былъ учителемъ военной же гимназии въ Кіевѣ. Ковалевскій съ 1874 г. часто встрѣчался въ дѣлахъ о преступной пропагандѣ, хотя до настоящаго времени онъ не былъ привлекаемъ къ дознаніямъ въ качествѣ обвиняемаго, что объясняется скрытностью и осторожностью его дѣйствій. Тѣмъ не менѣе нѣтъ почти сомнѣнія, что онъ принадлежитъ къ дѣятельнымъ членамъ соціально-революціонной партіи. Жена Ковалевскаго, Марія Павловна, съ которою онъ въ настоящее время не живеть, принадлежитъ къ тѣмъ передовымъ нашимъ женщинамъ, которыя видять цѣль своего призванія не въ обстановкѣ семейной жизни, а въ революціонной дѣяльності среди народа. Она привлекалась въ 1874 г. къ дознанію по обвиненію въ пропагандѣ въ Саратовской губ.¹⁾ Дѣло о ней разрѣшено въ административномъ порядкѣ подчиненіемъ Ковалевской гласному надзору съ воспрещеніемъ отлучекъ изъ мѣста жительства. Не смотря на это, Ковалевская не оставила своей преступной дѣяльності и въ настоящее время вновь привлекается къ отвѣтственности по дѣлу о революціонномъ обществѣ въ Чигиринскомъ уѣздѣ²⁾. Ковалевская изъ города Харькова, гдѣ она проживала у своєї тетки, скрилась и пинѣ разыскивается. Въ 1873 г. Ковалевскій приймавъ у себя въ домѣ извѣстную своимъ вреднымъ образомъ мыслей дочь генераль-майора Ольгу Мельникову, высланную внаслідокъ подѣ надзоръ поліції въ г. Вологду. Въ прошломъ (1877) году обвиняемый въ пропагандѣ воспитанникъ кіевской гимназии Шефферъ показавъ, що у Ковалевскаго собирались студенты и гимназисты для чтенія запрещенныхъ книгъ, и хотя внаслідокъ отъ такого показанія Шефферъ отрекся, но несомнѣнно, что оно, данное въ минуту перваго впечатлѣнія произведеннаго ему сираса, заслуживаетъ бѣльшаго довѣрія, чѣмъ послѣдующія, очевидно вымысленныя, его объясненія. Наконецъ въ ми-

¹⁾ Тут офіційна довідка помиляється: М. В. Ковалевську трушено й заарештовано „домашнім арештом“ р. 1874-го в зв'язку з заарештуванням у справі пропаганди серед народу д-ра Кадьяна в м. Николаевску, Самарської губернії (а не Саратовської).

²⁾ Відомо, так звана „Чигиринська справа“, що за головних діячів у ній були Я. Стефанович, Бохановський, Дейч, В. Дебогорій-Мокрієвич.

нушемъ январѣ (1878 р.) у Ковалевскаго былъ сдѣланъ обыскъ по дѣлу о пропагандѣ въ Константиноградскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи и, вслѣдствіе заявленія участвовавшей въ этой пропагандѣ дворянки Анны Комаровской, что вещи ея находятся на храненіи у Ковалевскаго, онѣ дѣйствительно были у него найдены, и въ томъ числѣ запрещенныя книги, хотя первоначально онъ утверждалъ, что никакихъ вещей отъ Комаровской не получалъ. Дѣло это еще не окончено, а потому степени причастности къ оному Ковалевскаго нельзя еще опредѣлить. Во время пребыванія своего въ Петербургѣ Ковалевскій обращалъ на себя вниманіе подозрительнымъ образомъ жизни. Почти ежедневно онъ получалъ телеграммы и письма какъ внутренней, такъ и заграничной корреспонденціи, нерѣдко съ денежными вложеніями на значительныя суммы. Къ нему постоянно являлись, повидно вечеромъ, какія-то неизвѣстныя личности, оставлявшія его квартиру съ разсвѣтомъ. Личности эти приносили съ собою, а также уносили отъ Ковалевскаго какія то газеты и бумаги и занимались у него чтеніемъ и какою-то перепискою. Начальство же Ковалевскаго отзывалось о немъ, какъ о весьма способномъ и дѣльнымъ учителѣ».

Оскільки Ковалевскій муляв очі полтавській, напр., жандармерії, свідчити донесіння полтавського жандарського полковника Баніна до III відділу з 13 березня 1878 р. під № 66, де з якоюсь особливою злостивістю згадується й про Ковалевського. «Было много случаевъ,—доноситъ Банін,—въ которыхъ я убѣжденъ о прикосновенности такого-то лица, хоть напри- мѣръ учителя военной гимназіи Ковалевскаго, убѣжденъ, что въ дѣлѣ пропаганды онъ играетъ немаловажную роль, но накрыть его, произвести обыскъ, не имѣю права, ибо юридическихъ данныхъ къ тому нѣтъ, а такихъ лицъ не мало, чрезъ что эти паразиты размножаются, завербовывая въ свой кружокъ все болѣе и болѣе. Гуманное отношеніе къ этимъ лицамъ придаетъ имъ только болѣе смѣлости».

І сам Ковалевскій, і його ближчі друзі вельми добре розуміли, до якихъ наслідків може привести таке уважливе ставлення органів політичного догляду до його особи. У листі своєму до директора полтавської військової гімназії, написаному в травні того-ж таки 1878 року, в зв'язку із звільненням з учительської посади, Ковалевскій уже передбачає дальшу свою долю,—адміністративне заслання. «Мои кievскіе знакомые,—пише він у цьому листі,—смотрятъ на удаленіе меня, лица должностнаго, какъ на первый шагъ со стороны III-го отдѣленія, за которымъ должна послѣдовать административная высылка меня».

Отже бачимо, що заслання чекав Ковалевскій ще за рік перед тим, як йому довелось справді-таки піти до Сибіру,—тільки може він не передбачав тоді, коли писав ці рядки, як далеко та на який час доведеться йому зазнати цього улюбленого самовільним урядом способу спекуватись неприємних осіб, коли нема юридичних даних, щоб по суду запроторити їх туди, де козам роги правлять.

З допіру поданої довідки III-го відділу про Ковалевського бачимо, між иншим, одну цікаву річ: йому мов-би ставиться за провину революційний напрямок і революційну діяльність його жінки, хоча тут-же зазначається, що з нею він «въ настоящее время не живетъ». І треба зазначити, жінка його, що рішуче перейшла до одертої революційної боротьби, приєднавшись до бунтарських гуртків, які провадили тоді революційну роботу на Україні, аж надто притягала увагу жандармерії до Ковалевського, роблячи йому своєю діяльністю свого роду «протекцію». Хоч вона вже від першої половини 70-х років жила окремо від чоловіка, хоч фактично вона була вже жінкою відомого революційного діяча В. К. Дебогорія-Мокривича,—проте жандарі завсіди згадують про неї, коли доводиться говорити про М. В. Ковалевського. І при

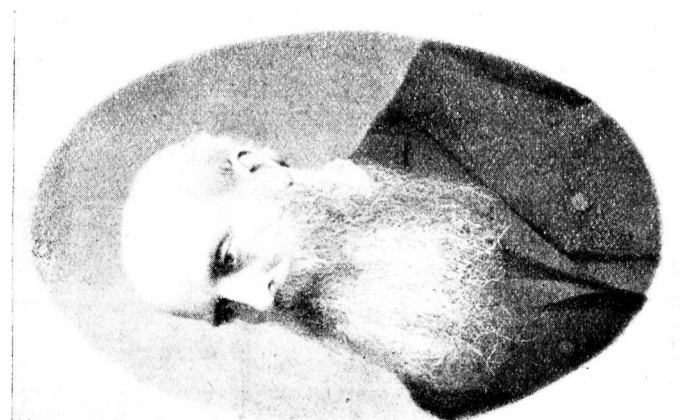
засланні його, як побачимо далі, ніби поставлено йому за провинну те, що жінку його засуджено до каторги в справі збройного опору 11 лютого 1878 р. у Києві.

Цікава в цих жандарських відомостях про Ковалевського ще одна риса: ніде в довідках про нього,—ні в поданій вище довідці III-го відділу, ні в довідці одеської жандармерії, з якою нам доведеться зустрінутись далі,—не згадується про національне обличчя Ковалевського: дарма що він, проте, від давнішого часу виявив себе, як людина з цього боку цілком певна. Ще студентом будучи, Ковалевський бере на себе збирання грошей для двох селянських хлопців, котрих київська Громада узяла виховувати громадським коштом у київській 2-ій гімназії. Потім, коли Ковалевський став за вчителя у Києві, він, як згадує в споминах своїх Маг-ін (Галин), «викладаючи історію Росії, викладав у той-же час і історію України, а поруч з сим провадив і свої революційні погляди». (ЛНВ. 1909, кн. 2, с. 373). Пізніше, року 1878-го, Ковалевський виступає, як представник «українофілів», разом з такими людьми, як Аптонович, Житецький, Русов, Старицький, на з'їздах конституціоналістів і революціонерів у справі поєднання діяльності («Былое» 1907, кн. 4, с. 236). Подібні-ж збори відбувалися ще р. 1874 в його власному помешканні.

Що Ковалевський людина цілком певної національної фізіономії, це жандарі мусили-б бачити уже з того, що в Одесі, де йому довелося пристроїтись на службі в міській управі після звільнення з учительської посади в Полтаві, він зразу зійшовся з українським гуртком, що політичний його світогляд треба схарактеризувати словом «драгоманівство». Близькі стосунки з найвидатнішим представником цього гуртка, Євгеном Борисовим, який не кричачись виступав у галицькій українській пресі під своїм власним прізвищем, одеська жандармерія ставила Ковалевському на карб і в тій характеристиці, що була йому, сказати-б, за подорожню до Східного Сибіру. Проте-ж і Ковалевського і Борисова одеська жандармерія трактувала, як взагалі „неблагодійний елемент“, ні словом не згадуючи про їх українство і драгоманівство. Очевидячки, жандарі були мало навіть обізнані в справжню фізіономію тих, кого вони посилали на заслання, і приносили свої гекатомби Молохові самодержавства, не вельми задумуючись над тим, за що саме вони призначають тих чи інших людей на жертви.

Правда, що в той час, коли переводилися ці заслання, жандарська влада ще не мала в своїх руках зізнаннів Курціна та Велєдницького,—отже, як це справедливо зазначає в своїй розвідці про Одеську Громаду 70-х років О. Рябінін-Скляревський („Україна“ 1926, кн. 5, с. 129), Тотлебен прийшов до висновку, що в особі Ковалевського ховається «другой Драгомановъ», тільки вже по тому, як одировадив Ковалевського на Сибір.

Крім недостатньої обізнаности жандарів із своїми «клієнтами», крім того, що діяльність Ковалевського більше була в жандарське око в зв'язку з загально-російським революційним рухом,—може й справді діяльність ця до певної міри зливалася з загальним рухом. Був бо то час, коли революційна робота на Україні мусила йти в великій мірі одним річищем із загально-російською революцією, коли й свідомі Українці мусили йти рука в руку з російськими революціонерами, коли навіть про Драгоманова, що виїхав за кордон із завданнями суто-українськими, біограф його має право сказати: „Не уснея еще минуть год со времени отъезда Драгоманова из России, как имя его стало называться в России, как имя руководителя политической эмиграции, на ряду с именем Лаврова. И не выпустив еще ни одного сборника «Громады», он уже стал автором ряда ярких политических брошюр на русском языке и на общие русские темы» (Д. Заславский, „М. П. Драгоманов“. К. 1924, с. 74). Це не позбавляє, розуміється, ані Драгоманова ані

Микола Васильович Говалтовський два знімки. одного часу. (1889 р.).

Ковалевського їх національного обличчя. Про національне-ж обличчя Ковалевського ясно свідчить і Курцін, указуючи на Ковалевського, як на голову («руководителя») одеських «українофілів», котрі збирали для Драгоманова гроші й матеріали до «Громади»,—і Велєдницький, що розповідає про роллю Ковалевського в Київській Громаді і зачисляючи його до «українофілів-націоналістів», змальовує його не пасивним, сказати-б, „любителем Малоросії“, а людиною, що намагається ширити національну свідомість, прихилиючи до українства тих, з ким йому доводилося заходити в певні відносини. Пробував він повернути до українства і Велєдницького, коли цей оселився у нього на квартирі, але „въ своей попыткѣ сдѣлать меня украинофиломъ потерпѣлъ полнѣйшую неудачу“,—хвалиться Велєдницький в своєму «данномъ добровольно начальнику кіевского губернскаго жандармскаго управления заявленіи».

Отже бачимо, що одеська адміністрація, засилаючи Ковалевського на Сибір, справді не зовсім ясно уявляла собі, кого вона засилає. Настановлений на тимчасового новоросійського генерала-губернатора Тотлебен, цілком незнайомий з місцевими людьми й умовами, узявся з чисто-німецькою прямолінійною тупістю викорінити „неблагонадійний елемент“ у своїй сатрапії за вказівками одеського жандармського полковника Кнопа, про якого тоді в Одесі склалася приказка, що, мовляв, на волі революціонерам не дає спокою Кноп, а у тюрмі—клоп (блоніця). Другим ретельним помічником Тотлебенів в його боротьбі з «кроволю» був Панютін ¹⁾, колишній сподвижник Муравйова-Вішалника, і ця достойна трійця накоїла такого, що навіть шеф жандарів генерал Дрентельн,—людина, може, груба, але не глупа,—мусив визнати, що висилки з Одеси переведено часом «безъ должнаго основанія» (резолуція на проханні Андрієвського). Хашали й вислали усякого, хто мав вешасть бодай чим звернути на себе увагу жандармерії, і в цій адміністративній вакханалії потерпіли й люди зовсім не революційного напрямку й темпераменту ²⁾. Дехто, от як учитель Євген Терентев, певне, передбачаючи висилку, устигли втекти з Одеси і переховувались по закутках великої, на їх шастя, Росії, аж поки, знов-таки на їх шастя, не утворилась верховна розпорядна комісія, що до неї й почали звертатися з проханнями та заявами. Та більшість, розуміється, не заховалась, ба й не могла заховатись. Не заховався й М. В. Ковалевський.

Проте, вислапо його не в першу чергу. Перший «списокъ лицамъ, давво извѣстнымъ своею неблагонадежностью и участіемъ въ революціонной пропагандѣ, высылка которыхъ въ болѣе отдаленныя мѣста представляется весьма желательною для прекращенія преступной дѣятельности, которая не могла быть установлена формальнымъ порядкомъ», подав полковник Кноп Тотлебенів 2-го травня 1879 р., додатковий список подав він 8-го травня,—і ні в тому ні в тому про Ковалевського не згадується, дарма що в додатковому спискові вже бачимо близьких до нього людей, як Борисов, Андрієвський, Гернет та ин. Тільки вже аж 20 червня Кноп доносить Тотлебену, що, мовляв, забули ще одного: «Въ одесской городской управѣ,—каже він у папері з цього числа під № 634,—служить Николай Васильевичъ Кова-

¹⁾ Про роллю Панітіва в Одесі С. Ковалик, сучасник подій, добре з ними обізнаний, каже: „Правой рукой Тотлебена был Панютин, который, и руководил им по части полицейской“. Що-ж до діяльності самого Тотлебена, Ковалик каже: „Нигде расправа с революционерами не была так жестоко проведена, как в его генерал-губернаторстве“ („Кат. и Ссылка“ 1924, кн. 4 (11), с. 139).

²⁾ Як про один із трагікомічних епізодів, сучасник розповідає про те, як із Одеси, замість різняка Кушниренка, що зазначений був у спискові як соціаліст, вислапо Кушниренка чорнороба, котрий на запитання, чому його вислапо, «отвѣчалъ одно, что вина-кой вины за собой не чувствуетъ, хмѣба те, що кольсь укравъ кагунъ на чужимъ бапшави». (Див. спомини Я. Запольного, „Вилое“ 1907, кн. 10, с. 116).

левській, близький приятель сосланного Євгенія Борисова і солідарний съ его протиправительственными взглядами і дѣйствіями. По полученнымъ мною свѣдѣніямъ, Ковалевскій не стѣсняясь высказывался въ управѣ въ рѣзкихъ выраженіяхъ противъ суда надъ Ковальскимъ и выражался вообще въ протиправительственномъ духѣ. Послѣ всякаго покушенія на жизнь высокопоставленныхъ правительственныхъ лицъ, со стороны Борисова и Ковалевскаго замѣчалась всегда какая-то особенная таинственная дѣятельность, обращающая на себя вниманіе его сослуживцевъ. Ковалевскій бывшій учитель, мужъ той Ковалевской, которая въ этомъ году судилась въ Києвѣ за государственное преступленіе и приговоренная (sic!) къ каторжнымъ работамъ. Человѣкъ этотъ неблагонадеженъ и вредно вліяетъ на среду, въ которой вращается». Після цього «представленія» Ковалевскій і потрапив у новій список осіб, що Тотлебен призначив на вислання з Одеси. У спискові тому майже слово в слово подано ту характеристику, що дав Ковалевському Кноп у своєму «представленні»,—тільки те, що він «мужъ той Ковалевской, которая» і т. д., поставлено попередъ усього, немовби одеська адміністрація уважала це за найбільшу провину Ковалевського, а вже далі йдуть вказівки на його відношення з Борисовим і «таинственную дѣятельность». Що-до Борисова то в довідці про нього, що на її підставі його вислано на заслання, також не згадується ні про його українство ні про драгоманівство,—за провину йому поставлено зносини з гуртками Заславського (котрий стояв на чолі першої сutorобітничої організації в Росіі, «Южно-Россійскаго Союза рабочихъ» в Одесі) і Ковальського, ровстріляного, як відомо, за збройний опір при заарештуванні,—отже не українські, а загально-революційні справи. Таким чином, ні безпосередньо, ні посередньо Ковалевському при засланні не ставлено за провину його українство. Цікаво зазначити тут, за що взагалі заслано 12-ро чоловіка споміж урядовців міської управи, до яких зачислено і Ковалевського: в листі своєму до Дрентельна в справі вислання Андрієвського, Панютін, між иншим, хвалиться, що вислання, «въ особенности 12 служившихъ въ городской управѣ, гдѣ съ давнихъ временъ былъ такъ сказать притонъ социалистовъ, которые, какъ видно изъ разсмотрѣнія взятой у арестованныхъ переписки, мечтали о коммунарномъ (sic!) муниципалитетѣ—произвело самое благотворное вліяніе на весь городъ».

Про те, як відбулося заарештування Ковалевського, як відпроваджувано його до Сибіру і як він жив на засланні перший час, ми дізнаємося від нього самого: це й є зміст того документу, котрий мені пощастило видобути з архівних надрів, де він пролежав мало не 50 літ. Тут-же я мушу сказати про те, як поведивсь Ковалевскій у зв'язку з засланням і як саме виник той документ.

Людина глибоко принципова, Ковалевскій і за своєї підневільної подорожі і за перебування на засланні не забував своєї принципової позиції. Тим часом як дехто з адміністративних засланців, от як Андрієвскій, ще в пересильній тюрмі здіймають гвалт і лемент, запевняючи в своїй безневинності, а про инших клопочуться їхні родичі,—Ковалевскій приймає адміністративні рани й скорпіони в благородному мовчанні. Він навіть, як побачимо далі, радіє, що й його не минула чаша сія, бо «бывають условія жизни, когда невыразимо тяжело и совѣстно жить на свободѣ», тим часом як близькі друзі й знайомі позбавлені волі... Навіть тоді, коли почала працювати Лоріс-Меліківська верховна розпорядна комісія, до якої всі почали слати проханя про звільнення з заслання, — навіть тоді Ковалевскій не подає заяв «по начальству». В одному з листів своїх із заслання, який я подаю далі, він пише: «Надежды быть амнистированнымъ совѣмъ не питаю. Примѣры убѣждаютъ, что возвращаютъ только такихъ, которые, согласно словамъ правительственнаго сообщенія, «подъ тяжестью перено-

симаго накаванія уже сознали свои заблужденія». Я же себя не отношу къ этой категоріи».

Людина громадських потягів і переконань, він удається не до начальства, а до громадянства. Він хоче скористуватися з тих пілг та полегшень, які дістала за Лоріс-Меліківської «диктатури серця» російська преса та які давали їй змогу говорити і принципово й по фактах і про адміністративне заслання і про долю адміністративно-засланих, та пише статтю до «Отечественныхъ Записокъ», апелюючи, таким чином, не до «бийоціої руки»: не бий мене,—а до громадської думки: дивіться, що роблять з нами,—чи, краще сказати, з вами самими, бо-ж ми кість від кости і кров від крові вашої.

Стаття Ковалевського це гострий протест против безправ'я громадянства і адміністративного насильства, написаний тремтячою рукою, з перейнятою гарячим гнівом душею: від повноти обуреного серця промовляли уста Ковалевського, коли він писав свою статтю. Не дурно начальство, як сам він пише в листі до Ладженського (див. далі), визнало їй «рѣзкость по содержанию и по формѣ» і поховало в архіві, замість переслати туди, куди призначав її Ковалевський.

Як політичний засланець, Ковалевський повинен був послати свою статтю не безпосередньо до часопису, а передати для переслання мінусинському справнику, цей переслав її до єнисейського губернатора, а той, замість редакції «Отечественныхъ Записокъ», переслав статтю до «департаменту государственной полициі» при напері з 17 листопада 1880 р. під № 799: «Имѣю честь препроводить при семъ въ департаментъ государственной полициі доставленную мнѣ мнусинскимъ окружнымъ исправникомъ статью подъ заглавіемъ: «Изъ мѣстъ довольно отдаленныхъ», писанную находящимся въ Минусинскѣ подъ надзоромъ полициі государственнымъ преступникомъ Николаемъ Ковалевскимъ, съ письмомъ отъ него, адресованнымъ въ редакцію журнала «Отечественныя Записки», признанную мною, по общему содержанию, неудобною къ печатанію».

Отже тільки тепер можемо ми почути те, що хотів розповісти про своє заслання М. В. Ковалевський ще року 1880-го,—і хоч стаття його має тепер характер ніби загробного слова, проте вона все-ж таки зостається надзвичайно цікавим і важливим документом і для характеристики самого автора, і для знайомости з його долею, і для характеристики адміністративних ран та скорціонів, яких довелося зазнати «неблагонадійному елементу» тих часів,—отже, вона має значення не тільки біографічне, а й громадсько-історичне.

Статтю послано при такому листі до редакції «Отч. Зап.», позначеному 2-м листопада 1880 р.: «Господинъ Редакторъ! Позвольте обратиться къ Вамъ съ просьбою помѣститъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ редактируемаго Вами журнала «Отч. Записки» прилагаемую при этомъ корреспонденцію подъ заглавіемъ «Изъ мѣстъ довольно отдаленныхъ». Если бы въ виду цензурныхъ требованій Вы признали необходимымъ измѣнить редакцію нѣкоторыхъ выраженій въ моей корреспонденціи, не измѣняя ее по существу, то я на это изъясляю мое согласіе. Мой адресъ: г. Минусинскъ Енисейской губерніи, политическому ссыльному Николаю Васильевичу Ковалевскому. За симъ пріймите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ уваженіи къ Вамъ Н. Ковалевскаго».

Статтю написано рукою самого Ковалевського на п'ятьох аркушах (20 сторінок) поштового наперу великого формату, стислим письмом, без поправок,—отже, видимо, переписано з брьюноу начисто. На першій сторінці рукопису, очевидно, для відомости адміністративних осіб, що через них мала переходити стаття, написано в куточку: «Рукопись эта предназначается для «Отечественныхъ Записокъ» по адресу: Петербургъ, на Бассейной д. № 2. Въ главн. контору редакціи «Отч. Записокъ».

Изъ мѣстъ довольно отдаленныхъ.

Одесса. 26-го іюня 1879 г. Время за полночь. Стукъ въ двери квартиры прерываетъ мой сонъ. Не трудно сообразить, что предвѣщаетъ этотъ поздній визитъ. Уже нѣсколько недѣль въ городѣ практикуются аресты въ размѣрахъ, дотогѣ невиданныхъ. Идетъ капитальная прочистка общества. Должно быть, подумалъ я, сочли нужнымъ, въ интересѣ дезинфекціи, изъять и мою особу изъ употребленія. Я не ошибся. Полицейскій чиновникъ не высокаго чина въ сопровожденіи десяти, двадцати солдатъ вошелъ въ мою квартиру и объявилъ мнѣ объ арестѣ, наложенномъ на меня по распоряженію новороссійскаго временнаго генераль-губернатора графа Тотлебена.

Извѣстіе это не произвело на меня угнетающаго впечатлѣнія, скорѣе даже обрадовало меня. Это не фраза. Бываютъ условія жизни, когда невыразимо тяжело и совѣстно жить на свободѣ. Я переживалъ теперь такое душевное настроеніе. Кругомъ меня полный погромъ. Мои друзья, мои лучшіе знакомые, такъ многіе изъ тѣхъ, съ кѣмъ я близко стоялъ въ жизни, лишены свободы. За что же? Навѣрно это были фанатики, закоренѣлые революціонеры, причинявшіе правительству серьезныя затрудненія. Увы! Это были скорѣе щедринскіе культурные люди, удивлявшіе міръ отсутствіемъ поступковъ при опрятности чувствъ и нѣкоторой долѣ либерализма, чѣмъ цѣльные люди протеста и борьбы, и ужъ совѣмъ не революціонеры. И если въ сферѣ теоретической быть человѣкомъ свободомыслящимъ, а въ сферѣ практической—человѣкомъ независимаго характера, составляетъ преступленіе, влекущее за собою потерю свободы, то зачѣмъ же аресты не коснулись и меня? Если чрезвычайныя полномочія, предоставленныя генераль-губернаторамъ, привели въ новороссійскомъ генераль-губернаторствѣ къ самому широкому и безжалостному пресѣдованію всякой личности, мало мальскіи создающій въ себѣ гражданина—да еще и сознающей-ли?—то не приличіе ли будетъ и мнѣ схорониться гдѣ нибудь въ странѣ изгнанія. Мертвые бо сраму не имуть. Такія чувства, волновавшія тогда мою больную душу, заставили меня, къ немалому удивленію полицейскаго чиновника, даже съ радостью принять извѣстіе о наложенномъ на меня арестѣ.

Начался обмыскъ. Солдаты шараютъ въ домѣ вдоль и поперекъ. Общее тяжелое молчаніе прерывается по временамъ только неудержимымъ рыданіемъ моего ребенка. Бѣдная дѣвочка! Какъ рано пришлось ей уже выступить заинтересованною стороною въ скоропостижной трагедіи¹⁾. Но вотъ подведенъ итогъ обыска. Въ качествѣ контрибуціи достались побѣдителю большая коллекція фотографическихъ карточекъ да лекціи примѣнительно къ гимназическому курсу, составленныя мною въ теченіе десятилѣтней педагогической дѣятельности. «Большой ли уловъ практиковался въ эту ночь?» заговариваю я съ полицейскимъ чиновникомъ уже по пути къ тюремному замку. «Да, должны были наловить осетровъ не мало». Былъ отвѣтъ. «Куда же ихъ дѣнуть? Тоже помѣстятъ въ этомъ воспитательномъ заведеніи?» Снова спрашиваю я, указывая по направленію къ тюремному замку. «Ну, конечно! Какого же имъ другого помѣщенія? Всѣ тамъ встрѣтитесь». Уже рассвѣтало, когда мы прибыли къ тюремному замку. Утро было сырое, холодное. Едва затворились за мною ворота тюрьмы, какъ тутъ же, въ подворотнѣ, набросилась на меня цѣлая орава тюремныхъ служителей, мигомъ стащили съ меня

¹⁾ Дочка Ковалевскаго Галя, років мабуть з 4-х, залилася на руках у батька, коли мати її розійшлася з Ковалевським і віддалася цілком революційній діяльності. За перебування Ковалевської в тюрмі у Києві, коли вона чекала суду в зв'язку з відомим у літописах революції збройним опором на Жилинський вул., а потім, після суду, перед засланням Ковалевської на каторгу,—батько привозив Гаю на побачення з матір'ю в тюрмі. Отже, сираді такі рано довелося дитині „виступити заинтересованою стороною в скоропостижній трагедії“.

спортукъ, сапоги, и обыскали самымъ беззащитнымъ способомъ, только шлонапнически ухмыляясь въ отвѣтъ на мою ругань, а затѣмъ отвели меня въ тюремную камеру.

Мертвая тишина. Непривѣтливая обстановка. Тоскливое одиночество. Скверно очутиться подъ замкомъ! Чѣмъ заняться? Ба! стѣны камеры испещрены надписями: должно быть здѣсь процвѣтаетъ тюремная литература. Подхожу къ стѣлѣ и читаю: «Во Христѣ братія! По правдѣ живи, по правдѣ и очи выльзуть». А это что, «парада»? Читаю: «Я вампиръ, преслѣдующій социалистовъ на волѣ и въ тюрьмѣ. Съ тѣмъ различіемъ, что на волѣ я съ посовымъ звукомъ, въ тюрьмѣ же съ плавнымъ». Шарادا для одесситовъ легко разрѣшимая¹⁾. А это что за надписи въ видѣ длинныхъ столбцовъ? Это долгій перечень лицъ, подвергшихся арестамъ за послѣднее время. Однако, сколько осетровъ наловили! Однихъ уже вывезли изъ города, гласятъ надписи, другіе еще содержатся въ тюрьмѣ. Между оставшимися оказываются и знакомые. Гдѣ же они? Быть можетъ, въ сосѣднихъ камерахъ? Я стучу къ сосѣдямъ. Они пробуждаются, высматриваютъ къ окнамъ и мы черезъ окна начинаемъ между собою перекрикиваться. Тѣмъ временемъ все болѣе подвозятъ новобранцевъ. Старые и новые арестанты перемѣшиваются и сортируются по камерамъ совсѣмъ заново. Не огорченными, не со словомъ участія и ободренія встрѣчаются товарищи по несчастью, а съ хохотомъ, съ неупрежимо разнузданнымъ веселіемъ. Черта интересная! Аресты были предприняты въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, поведены такъ безразборчиво, съ такимъ пренебреженіемъ къ неприкосновенности личности, что жизнь потеряла уже сурьезную цѣну и аресты, вмѣсто паники, производили на большинство пострадавшихъ только впечатлѣніе пошлаго фарса. И я не могъ не поддаться общему веселому настроенію. Такъ терзавшее меня прежде чувство неловкости по отношенію къ эквивалентнымъ мнѣ личностямъ не могло теперь имѣть мѣста, разъ и я принялъ на себя причитающуюся долю отвѣтственности; по масштабу, по которому одѣлена была преступность моего поведения, не могъ, конечно, внушить и мнѣ сурьезнаго отношенія къ наказанію. А какое же ждало насъ наказаніе? Благодаря прецедентамъ, мы хорошо знали, что съ нами покончатъ административнымъ порядкомъ. Было вопросомъ только мѣсто, гдѣ раселять, и стѣсненія, какія сочтутъ нужнымъ внести въ условія нашей новой жизни. Мы, понятію, съ часу на часъ все поджидали появленія въ нашихъ камерахъ какого нибудь компетентнаго лица съ цѣлью выяснитъ предстоящую намъ участь, тѣмъ болѣе, что между арестованными было не мало людей семейныхъ, имѣвшихъ неотложную надобность придти къ скорому и опредѣленному рѣшенію относительно своихъ семействъ. Однако проходитъ недѣля, наступаетъ другая. Ряды арестованныхъ все увеличивается новыми жертвами, неопредѣленность же положенія остается для всѣхъ по прежнему невыясненною. Наконецъ объявляютъ намъ, что завтра съ утреннимъ поѣздомъ насъ отвезутъ въ г. Мценскъ Орловской губерніи, въ тамошнюю пересыльную тюрьму. Увѣдомили насъ объ этомъ только поздно вечеромъ съ очевидною цѣлью оставить нашихъ родныхъ и знакомыхъ въ неизвѣстности о нашемъ отъѣздѣ. Къ чему еще сзывать на вокзалъ заинтересованныхъ зрителей? Не лучше ли будетъ сплавить насъ совсѣмъ втихомолку!

Два дня дороги и мы въ Мценской тюрьмѣ²⁾. Не знаете ли Вы, куда

¹⁾ Ця „шарада“—це та сама приказка про одеського жандарського полковника Кюпа та про „клона“, що про неї згадувано вже попередю.

²⁾ Цікаві подробиці про мценську пересильну тюрму розповідає інша людина, що також зазнала адміністративного вислання, і також опинилась нарешті, як і Ковалевський, у Мінусинську,—І. П. Белокопський. У своїх споминах він каже, що „въ мценской тюрьмѣ и благодаря „новымъ вѣнціямъ“, и, пожалуй, еще больше вслѣдствие корректности зрителя Побылевского, режимъ былъ совсѣмъ сносный“. Розповідаючи

насъ двинути?» спрашиваемъ мы тюремнаго смотрителя при первомъ же свиданіи. «Полагаю, что въ Восточную Сибирь», былъ отвѣтъ. «Полноте, быть не можетъ! Вы уже черезчуръ щедрите!» «Желаю Вамъ, конечно, быть счастливымъ, только до сихъ поръ изъ этой тюрьмы былъ всего одинъ выходъ—въ Восточную Сибирь». Мы не повѣрили. Какъ! Аресты были повелены въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, коснулись людей самыхъ разношерстныхъ, разнопреступныхъ и разноевинныхъ. Неужели же всѣхъ одинаково подвергнуть самой высшей степени административной расправы? Какъ видно, наше благодушіе еще слишкомъ не гармонировало съ характеромъ текущихъ событій. И вотъ опять пошли дни за днями, кануль цѣлый мѣсяць. Уже лѣто въ исходѣ, а мы все въ прежней неизвѣстности относительно предстоящей намъ дороги. Ближе къ развязкѣ ставитъ насъ письмо, полученное изъ Вышне-Волоцкой политической тюрьмы, переполненной тоже Одесситями, вывезенными изъ города за нѣсколько дней до нашего ареста. Вышне-Волочане извѣщали насъ, что всѣмъ имъ официально объявленъ походъ въ Восточную Сибирь, и основательно предсказывали и намъ тотъ же исходъ. И однако какъ ни убѣдительно былъ примѣръ Вышне-Волочанъ, все же многіе не хотѣли вѣрить въ возможность подобнаго правосудія. Живю я представляю себѣ одного изъ товарищей по заключенію, почтеннаго одесскаго культурнаго человѣка, удрученнаго пятьюдесятью годами и не малую семью. Кто-то въ шутку предложилъ ему на выборъ для мѣстожительствя нѣсколько Восточно-Сибирскихъ городовъ. «Если Вамъ такъ желательно пропутешествовать въ Восточную Сибирь, я Вамъ, конечно, не препятствую», отвѣчалъ онъ довольно рѣшительнымъ и раздражительнымъ тономъ: «я же съ Вами не поѣду».—«Что почему? объясните».—«Объясню: незачто и незачѣмъ!» Однако скоро пришлось ему убѣдиться, что «незачто и незачѣмъ» не есть достаточная гарантія противъ возможности потерять родину и пойти въ далекое изгнаніе. Минуло еще нѣсколько дней, нашу тюрьму посѣтилъ ревизоръ, сановникъ изъ полицейскаго вѣдомства. Мы, разумеется, просили его выяснитъ наше положеніе. «Неужели же Вы до сихъ поръ не знакомы съ приговоромъ состоявшимся относительно Васъ», не безъ удивленія переспросилъ онъ: «Въ такомъ случаѣ я не скрою отъ Васъ, что уже давнымъ давно всѣ вы, по распоряженію новороссійскаго генералъ-губернатора графа Готтлебена, приговорены къ высылкѣ въ Восточную Сибирь».—«Но вѣдь это крайняя жестокость! И турецкіе паши не расправлялись такъ съ Болгарами, какъ поступаютъ теперь съ нами!» вѣд себя закричалъ прорѣзавшій наконецъ одесскій культурный человѣкъ и бросился вонъ изъ камеры. Мы стали бесѣдовать съ ревизоромъ о предстоящемъ путешествіи. Время было къ осени. Можно было опасаться, что мы, не успѣвъ добраться до мѣста назначенія, зазимеемъ гдѣ-нибудь въ попутномъ сибирскомъ острогѣ. «Сомнѣвалось, чтобы это случилось съ Вами»,—говорилъ ревизоръ: «но я бы сознательно лгалъ, еслибы не придалъ никакого значенія трево-

дали про пильги, які мали тут ув'язнені, Белоко́нський каже про мценську тюрьму, що «это была своего рода гостинница, изъ которой нельзя лишь было вырваться на свободу. И вотъ это послѣднее обстоятельство да постоянная мысль, что единственный путь изъ этой гостинницы—въ неизвѣстную Сибирь, конечно, не могли способствовать особенно жизнерадостному настроенію, тѣмъ болѣе, что, не смотря на всѣ слухи о реформахъ, аресты, обыски и высылки какъ по суду, такъ и административно продолжались исправившимъ образомъ, и особыхъ надеждъ на свободу возлагать не приходилось» (И. П. Бѣлоко́нскій. «Дань времени». Мв. 1918, с. 133—4). «Гостинницею» зве мценську тюрьму і Віташевський, засуджений у справі Ковалевського, і змальовує життя в ній цілком згідно з Белоко́нським. Про Шобилевського-ж каже: «По характеру своему, это былъ человѣкъ мягкой, добрый и сговорчивый», а до того-ж «въ Мценскѣ, по всѣмъ видимостямъ, ему было предписано ладить съ заключенными» («Былое», 1907, кн. 4, с. 173). Про «свободу» у мценській тюрмі розповідають і Чернавський і Ковалик у своїх згадках про ті часи (Див. «Кат. і Ссылка», 1924, кн. 5 (12), с. 30 і далі і кн. 4 (11), с. 144—5).

жащему Васъ опасенію. То, что дѣлають теперь съ Вами, нисколько не оправдывается существующими законами. Вы, господа, поставлены внѣ закона и никакихъ гарантій я Вамъ дать не могу“. Изъ разговора съ ревизоромъ мы узнали также, что скоро въ составѣ большой партіи двинемся мы, наконецъ, въ путь. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней насъ перевели въ московскій тюремный замокъ. Тамъ мы застали уже десятка два осужденныхъ по приговорамъ одесскаго военнаго суда. Вскорѣ привезли въ Москву и Вышне-Волочань. И вотъ составила партія изъ 75 арестантовъ, захваченныхъ почти исключительно въ новороссійскомъ генераль-губернаторствѣ. Да не подумаетъ читатель, что въ этой партіи исчерпывались уже все аресты, произведенные въ предѣлахъ новороссійскаго генераль-губернаторства. Одесситы давали видный контингентъ и во все предшествующія и послѣдующія партіи, двинутыя въ Восточную Сибирь за время чрезвычайныхъ полномочій, предоставленныхъ генераль-губернаторамъ.

Знакомясь поближе съ административно-ссылными, вошедшими въ числѣ 50 или 60 человекъ въ составъ нашей партіи, я нерѣдко недоумѣвалъ, да какіе же проступки могли повести къ арестованію многихъ изъ этихъ лицъ, не только не участвовавшихъ сколько нибудь активно въ явленіяхъ внутренней борьбы, но даже не владѣвшихъ самымъ скромнымъ теоретическимъ развитіемъ по вопросамъ общественнаго интереса и — негдѣ грѣха дѣтъ — нарѣдка даже враждебныхъ любому мирному, просвѣтительно-освободительному движенію. *Teneatis risum!* Реакціонеръ идетъ въ изгнаніе за 6, 8, 10 тысячъ верстъ отъ родины по подозрѣнію въ сочувствіи радикализму!

20-го августа наша партія, конвоируемая внушительнымъ числомъ солдатъ и жандармовъ, выѣхала изъ Москвы. Чѣмъ дальше подвигались мы на востокъ, тѣмъ обстановка путешествія все ухудшалась. Интересна послѣдовательность, съ которою приучали насъ къ невгодамъ путешествія. На пути изъ Мценска, на 5-й или 6-й верстѣ передъ Москвой, поѣздъ, на которомъ мы ѣхали, былъ остановленъ и насъ пересадили въ заранее заготовленные для насъ кареты, которыя и доставили насъ въ московскій тюремный замокъ, не вызывая ни въ комъ подозрѣнія, что въ этихъ каретахъ спрятаны жертвы административной расправы, подчасъ совсемъ невинныя. Тѣмъ же приемомъ и вывезли насъ изъ Москвы. Въ Нижнемъ уже пересадили насъ на повозки и дозволили фигурировать передъ публикой, въ Пермь лишили и повозокъ, а въ Екатеринбургѣ взвалили намъ на плечи и дорожныя котомки и подъ конвоемъ провели нѣсколько верстъ отъ вокзала до тюремнаго острога.

Хороши Россійскія тюрьмы, но то, что представляютъ изъ себя тюрьмы сибирскія, выше всякой похвалы. Мы въ Тюмени, въ острогѣ. Удушное зловоніе даетъ себя знать еще на тюремномъ дворѣ и тѣмъ болѣе въ нашихъ двухъ камерахъ, расположенныхъ по обѣ стороны ретирадныхъ мѣстъ. Едва ли въ теченіи нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Тюмени, многіе изъ нашей партіи избѣжали припадковъ тошноты и рвоты. Грязь кругомъ была такъ велика, что мы старались не прикасаться къ тюремнымъ вещамъ и особенно избѣгать пить воду. Наши ночи проходили не во снѣ, а въ озлобленной борьбѣ съ вошью и клопомъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ въ нашу партію незамедлительно вкрасѣлся сыпной тифъ, начало которо-му было положено въ тюменскомъ острогѣ.

Наконецъ мы дождались парохода, долженствовавшего доставить насъ въ Томскъ, и перебрались на баржу. Оказалось, что мы отъ огня да пошали въ поляхъ! Представьте себѣ небольшое поднолье, почти совсемъ ушедшее въ воду. Обѣ стѣны поднолья, сходящіяся другъ къ другу въ видѣ овала, испещрены рядомъ прорубей или оконъ съ выбитыми стеклами, такъ что въ помѣщеніи идетъ сквозное теченіе воздуха, непрерывное, повсемѣстное

и рѣзкое. Подполье это до такой степени набито людьми, что во время ночлега спящіе занимаютъ буквально все мѣста на нарахъ, подъ нарами и между нарами. И въ такой тѣсотѣ, въ такомъ кагалѣ приходится пробить десять дней, все время подчиняясь вліянію непрерывнаго сквознаго вѣтра, а былъ уже сентябрь и намъ приходилось подниматься высоко на сѣверъ. Не мало изъ нашей партіи переболѣло въ эти тяжелые дни баржевой ѣзды. Положеніе же уголовныхъ преступниковъ и ихъ семействъ, ѣхавшихъ на одной баржѣ съ нами, но скучившихся въ другомъ подпольѣ, было, вѣроятно, еще плачевнѣе. По крайней мѣрѣ во время стоянокъ мы не разъ видѣли, какъ изъ ихъ подполья вытаскивали на берегъ дѣтскіе трупы.

20-го сентября прибыли мы въ Томскъ. Желѣзныя дороги для насъ давно уже миновали. На Томскѣ обрывается и водный путь. Теперь намъ предстоитъ этапное путешествіе. Цѣлый мѣсяць дороги до Красноярска, а странства всего 550 верстъ. Этапное путешествіе регулировано такъ: станція верстъ въ 20 или 25 и ночлегъ, опять станція и дневка, въ три дня всего двѣ станціи. Приспособленіе сдѣлано, очевидно, для пѣшеходовъ. Но насъ не могли заставить идти пѣшкомъ: по закону лица изъ привилегированныхъ сословій и во время этапнаго движенія пользуются лошадьми, значительное же большинство нашей партіи принадлежало къ привилегированнымъ сословіямъ. Поэтому всѣхъ насъ безъ исключенія разсадили на крестьянскихъ повозкахъ, запряженныхъ бойкими сибирскими лошадьми, и мы легко могли бы ѣхать со скоростью даже почтовой ѣзды; однако насъ заставили строго держаться этапнаго маршрута и перенспытать въ теченіи мѣсяца все прелести этапнаго кочевья въ осеннюю пору года.

Опишу хотя первый день этапнаго путешествія. Въ Томскѣ разсадили насъ на крестьянскія повозки по два, по три арестанта да столько же солдатъ на каждую повозку. Тутъ же ящикъ и дорожный багажъ. День былъ сырой и холодный, все время падалъ мокрый снѣгъ. Грязная дорога вся изрыта ямами и ухабами. Неаккуратности въ экипажахъ и упряжи постоянно задерживали весь поѣздъ. Мы выѣхали изъ Томска въ девять часовъ утра, а прибыли на этапъ въ одиннадцатъ часовъ ночи, загрязненными и промокшими до мозга костей. Этапное помѣщеніе состояло изъ трехъ, четырехъ небольшихъ, грязныхъ, вонючихъ и сырыхъ комнатъ. Попытки нѣкоторыхъ изъ насъ просушить свою одежду у растопленной печки переполнили угаромъ все этапное помѣщеніе, и мы, до крайности измученные за весь этотъ день, какъ были въ нашихъ мокрыхъ дорожныхъ одеждахъ, такъ и завалились спать гдѣ попало, на нарахъ и подъ нарами. На другой день подѣхало къ этапу уже больше подводъ и лучше изготовленныхъ къ дорогѣ. Мы размѣстились свободнѣе. Слѣдующіе переѣзды не тянулись уже такъ долго, какъ первый; но все же осенняя пора года, а главное—отвратительныя этапныя помѣщенія продолжали такъ вредно вліять на наше здоровье, что ко времени прибытія въ Красноярскъ въ нашей партіи не считывалось уже многихъ лицъ, заболѣвшихъ сыпнымъ тифомъ и покинутыхъ въ попутныхъ лазаретахъ.

Наконецъ мы въ Красноярскѣ, слѣдовательно вскорѣ должно выясниться, кто изъ нашей партіи будетъ водворенъ на жительство въ Енисейской губерніи, а кто пойдетъ и еще далѣе—въ Иркутскую губернію, Забайкалье и Якутскую область. Я оказался въ числѣ оставленныхъ въ Енисейской губерніи и мнѣ назначили, какъ мѣстожительство, городъ Минусинскъ. До сихъ поръ на всемъ пути отъ Москвы до Красноярска мы двигались отдѣльною партією, съ жандармскимъ офицеромъ во главѣ. Теперь же разсылаемыхъ по Енисейской губерніи административно-ссылныхъ по государственнымъ мотивамъ просто пристегивали къ попутнымъ партіямъ уголовныхъ поселенцевъ и ка-торжанъ.

Меня присоединили къ партіи уголовныхъ, шедшей этапнымъ порядкомъ въ г. Ачинскъ, такъ какъ путь въ Минусинскъ лежитъ на этотъ городъ. Въ партіи со мной шла и одна политическая арестантка, тоже административно-ссылная, тоже Одесситка и тоже водворяемая на жительство въ г. Минусинскъ. Это была молодая дѣвушка, недавно окончившая институтъ и уже «государственная преступница»¹⁾. Какіе же поступки завелись въ ея кондуитѣ? Быть можетъ и забродили въ ея головѣ тревожныя мысли. Быть можетъ знакомые брата-студента были и ея знакомыми. Братъ попалъ въ политическій процессъ и вышелъ изъ него на каторгу, противъ сестры же уликъ никакихъ. Неловко привлекать къ суду. Чтожъ, можно и безъ суда! Будетъ крѣпко и безъ суда! И вотъ жизнь молодой дѣвушки загублена въ Восточной Сибири. Вотъ юная арестантка движется этапнымъ порядкомъ и останавливается въ этапныхъ помѣщеніяхъ, переполненныхъ уголовными переселенцами и каторжанами. Взглянемъ хоть мелькомъ на арестантскую партію въ дорогѣ и въ этапномъ помѣщеніи на отдыхѣ. Морозъ въ 25, 30 и болѣе градусовъ. Я и моя юная соотанница, поладивъ съ конвоиромъ, уѣхали впереди партіи. Черезъ нѣсколько часовъ, уже поздно къ вечеру, добралась до этапа и промерзлая партія уголовныхъ. Съ крикомъ и руганью вгоняютъ солдаты всѣхъ арестантовъ въ одну камеру. Уже камера биткомъ набита. «Еще тѣнитесь, мерзавцы, полѣзайте подъ нары, лѣзьте другъ другу на шею!» кричатъ солдаты. Затѣмъ изъ подъ пресса поочередно вызываютъ арестантовъ для переклички. Пршедшіе черезъ перекличку мужчины и женщины съ полною потерей половой стыдливости одновременно бросаются въ ретирадное мѣсто и устраиваются около зловонной ямы. Послѣ переклички вдоль всего коридора на ночь разставляются зловонныя кадунки, а входная дверь замыкается. Арестанты расходятся по всѣмъ камерамъ, впрочемъ согласно требованію закона съ соблюденіемъ сословнаго различія. Удушающее зловоніе, цинизмъ рѣчей и манеръ, воровство, жаднокровная драка, словомъ всяческое оскотиненіе человѣка. Какъ тебѣ, читатель, понравится подобная обстановка для молодой дѣвушки?

Не безинтересно будетъ, въ видѣ контраста, поставить еще на видѣ, что во время нашего этапнаго кочевья на Ачинскъ перѣдко на встрѣчу намъ попадались уголовные изъ дворянъ, приговоренные къ лишенію правъ и даже къ каторжнымъ работамъ, и однако ѣхавшіе вѣдъ маршрута быстрою ѣздой и на казенные прогоны. По отношенію же къ политическимъ ссылнымъ этапныя стѣненія выдерживались съ изумительнымъ педантизмомъ. Меня и юную соотанницу пристегнули къ партіи, которая, согласно маршруту, должна была прибыть въ Ачинскъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ отхода партіи уголовныхъ на Минусинскъ, вслѣдствіе чего намъ предстояло провѣсти въ Ачинскѣ цѣлый мѣсяцъ въ ожиданіи отхода новой партіи. Я обратилась къ начальнику Восточно-Сибирскаго тракта съ просьбою разрѣшить мнѣ и моей спутницѣ сдѣлать двѣ послѣднія станціи въ одинъ приемъ, при чемъ все издержки за насъ и за конвоировъ я брала на свой счетъ, и однако, какъ это ни мало вѣроятно, мнѣ на отрѣзъ отказали въ моей просьбѣ.

Мы въ ачинскомъ этапномъ помѣщеніи. Сперва намъ отвѣли камеру, до того переполненную арестантами и до того лишенную вентиляціи, что черезъ нѣсколько минутъ я уже чувствовала тошноту и головокруженіе. Тогда намъ предложили отдѣльную, но совершенно холодную камеру. Едва разведенъ

¹⁾ Мова говоритъся, безперечно, про молодую дѣвицу Марію Виташевскую, що її брата засуджено на каторгу в справі Ковальського. У синевскій осіб, призначених до вислання, подано таку її характеристику: «Марія Виташевская, сестра того Виташевского, который въ прошломъ году по дѣлу Ковальскаго приговоренъ въ каторжныя работы. Она знала о революціонной дѣятельности своего брата и сама посѣщала квартиру Виттенъ, гдѣ собирався кружокъ Ковальскаго. Часто замѣчалась въ сообществѣ другихъ неблагонадежныхъ личностей и, какъ дѣвица оккультно-настроенная, признается вредною».

былъ огонь, какъ весь дымъ бросился изъ печи въ камеру, такъ что пришлось поскорѣе залить огонь и растворить двери въ коридоръ и на дворъ. Еще не успѣлъ я очистить камеру отъ дыма, какъ наступило время вечерней провѣрки и насъ на всю ночь заперли въ помѣщеніи, давнымъ давно не топившемся. На другой день мы узнали, что нѣкоторые изъ административно-ссылныхъ, раньше насъ выѣхавшіе изъ Красноярска и тоже стремившіеся въ Минусинскій округъ, еще и до сихъ поръ содержатся въ ачинскомъ тюремномъ замкѣ, и мы перебрались къ нимъ. Опять безобразное помѣщеніе, что то въ родѣ кладовой комнаты, времени и весьма плохо приспособленной къ жилью. Въ противоположной стѣнѣ сырость и ледъ на окнѣ. Изъ двери дуло. Въ различныхъ углахъ помѣщенія рѣзкія колебанія въ температурѣ. Всѣ эти невзгоды путешествія окончательно сломили мое здоровье, уже давно хромавшее. Я захватилъ сильный сыпной тифъ. И если бы не великодушіе одной, долготѣ мнѣ совсѣмъ незнакомой дѣвушки, тоже политической арестантки, оторочившей свой отъѣздъ къ мѣсту назначенія съ единственной цѣлью ухода за мною во время болѣзни, да не счастливая случайность, что ко времени моей болѣзни мѣсто тюремнаго доктора, долго вакантное, было занято человѣкомъ, свое дѣло знающимъ и внимательнымъ къ больнымъ, то при ужасной публично-тюремной обстановкѣ моей болѣзни по всей вѣроятности мнѣ пришлось бы избавиться отъ административной ссылки способомъ, ни для кого не возбраняемымъ. Едва оправившись отъ тифа, еще съ трудомъ передвигая ноги, я съ первою же партіею отправился въ Минусинскъ, находя, что тюремная обстановка болѣе угрожаетъ мнѣ возможностью новаго заболѣванія, чѣмъ путешествіе въ крещенскіе морозы.

Еще недѣли три этапнаго путешествія, и вотъ хоть путевыя злоключенія покончены. И, наконецъ, въ Минусинскѣ!). Прошло уже семь мѣсяцевъ со дня моего ареста и пять мѣсяцевъ, какъ наша партія двинулась въ Вотчювую Сибирь. На проѣздъ отъ Москвы до Красноярска понадобилось даже при этапномъ путешествіи отъ Томска всего два мѣсяца, а изъ Красноярска въ Минусинскъ, изъ губернскаго города въ уѣздный, три мѣсяца. Это мытарство по губерніи въ особенности даетъ себя знать водворяемымъ на жительство въ волостяхъ. Имъ приходится побывать и въ губернскомъ городѣ, чтобы узнать назначеніе мѣстожительства, и въ уѣздномъ городѣ, чтобы представиться окружному исправнику, и тогда уже отчаливать въ свою волость, что при сибирскихъ разстояніяхъ составляетъ внушительную цифру верстъ, пройденныхъ этапнымъ порядкомъ, крайне медленно, съ крупными перерывами, въ тяжкихъ условіяхъ физическихъ и нравственныхъ страданій.

Прочь скверныя воспоминанія позорной дороги! Что дать мнѣ теперь новая жизнь? Оправдаетъ ли мнѣ Минусинскъ возлагаемая на него надежды? А какія же надежды могъ питать я по отношенію къ мѣсту изгнанія? Конечно, самыя скромныя и прежде всего—авось удастся мнѣ открыть заработокъ и перезвать къ себѣ ребенка. Инструкція относительно административно-ссылныхъ крайне затрудняетъ имъ доступъ къ заработку. Имъ всецѣло запрещается государственная служба, имъ воспрещаются многіе виды и частнаго заработка и прежде всего—трудъ педагогическій. Говорятъ, что здѣсь выгодно заняться торговлею. Но даже игнорируя то соображеніе, что для многихъ изъ насъ торговое дѣло будетъ чуждое и непривлекательное,

1) Ось що каже про Минусинск І. П. Белокозський: „Боже, що за городишко! Маленький, сѣренький, онъ расположенъ на некресивой ровной мѣстности, орошаемой рукавомъ р. Енисея и его притокомъ—рѣчущою Минусинскою. Жуть брала при мысли, что онъ отстоить на 500 верстъ отъ губернскаго города, на 300 съ лишнимъ отъ большаго тракта и является пограничнымъ городомъ съ Монголіей!“ („Давн Времени“, с. 258).

все же для торговаго дѣла нужны и подъемныя средства, которыми мы не владѣемъ, и право разѣзда, конечно, далѣе городской черты, которою мы обвѣдены, какъ заколдованнымъ кругомъ. Ну, такъ поступить на службу къ купцу въ его городскую лавку. Даже и это невозможно! И не потому, конечно, чтобы минусинскіе кушцы особенно боялись довѣрить намъ свой товаръ. Навѣрно пашлись бы многіе въ ихъ средѣ, готовые съ радостью пригласить насъ надсмотрщиками въ свои лавки, въ надеждѣ на нашу нравственную чистоплотность. Причина страха совсѣмъ не та: ну какъ сочтутъ это за покровительство политическимъ ссыльнымъ, ну какъ заподозрятъ со стороны политической благонадежности! И такъ куда ни кинь все клинъ. Еще рабочіе, владѣющіе ремеслами, могутъ, кажись, разсчитывать на заработокъ; но таковыхъ изъ 16 административно-ссыльныхъ, водворенныхъ въ Минусинскъ и его волостяхъ, найдется не болѣе шести. Что же дѣлать остальнымъ культурнымъ бѣлоручкамъ? Не выходитъ же на почву уголовныхъ преступленій—«тамъ, на большой дорогѣ, ночью, въ рошѣ»!

Говорятъ, что административно-ссыльные могутъ добиться пособія отъ правительства, въ размѣрѣ шести рублей въ мѣсяцъ. Нѣкоторые изъ насъ, доведенные до крайности, и подали было прошеніе о пособіи. Когда же отъ подавшихъ прошенія затребовали медицинскаго удостовѣренія въ болѣзненномъ состояніи ихъ здоровья, то и они отказались отъ дальнѣйшихъ хлопотъ, такъ какъ побудило ихъ просить пособія не болѣзненное состояние здоровья, а всевозможныя стѣсненія по отношенію къ заработку.

Изъ-за чего же всѣ эти стѣсненія? Неужели изъ мести? Позволительно, быть можетъ, усомниться, чтобы по отношенію къ лицамъ, которыхъ безъ слѣдствія и суда, даже безъ опроса, на основаніи однихъ темныхъ подозрѣній, уже лишили всего, чѣмъ жизнь бываетъ красна, и забросили въ далекое изгнаніе,—еще понадобились бы, изъ-за неудовлетвореннаго чувства мести, такія крайнія стѣсненія въ заработкахъ, что хоть выходи на почву уголовныхъ дѣяній. Если же причина стѣсненій не въ желаніи мести, то, значить, въ опасеніи пустить козла въ огородъ, какъ бы капуста не приплось плохо! Каковы бы ни были основанія заподозрѣвать козловъ и опасаться за капусту, все же запрещеніе государственной службы, какъ запрещеніе и наиболѣе подходящаго для насъ и необходимаго для края педагогическаго труда не можетъ считаться мѣрою цѣлесообразною, такъ какъ на государственной службѣ мы и при желаніи не могли бы обнаружить ничего такого, что принято называть «вреднымъ направленіемъ»; по отношенію же къ дѣтворѣ, которая въ Минусинскѣ даже и въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ проходитъ лишь элементарный курсъ, крайне сомнительно, чтобы кто нибудь изъ насъ призналъ ее правоспособною участвовать въ разрѣшеніи крайне сложныхъ вопросовъ общественнаго интереса.

Если можетъ идти рѣчь о вліяніи, то только взрослого человѣка на взрослого. А развѣ всѣ эти стѣсненія, налагаемыя на нашъ трудъ, уничтожаютъ для насъ возможность пріобрѣтать вліяніе? Если уже задаваться не-премѣнною цѣлью преградить намъ всякую возможность распространять «Сербчинъ ядъ», то слѣдуетъ всецѣло охватить насъ тѣснѣйшимъ карантинномъ или всего проще-подвергнуть всѣхъ насъ самому строгому тюремному заключенію. Это будетъ, конечно, прямолинейно, но зато уже и цѣлесообразно! Я не считаю удобнымъ при нашемъ положеніи обращаться къ исходной точкѣ, приведшей насъ къ изгнанію, трактовать объ административной высылкѣ по самому ея существу; я хотѣлъ только подчеркнуть скандальность ея неа на практикѣ безцѣльныя жестокости.

Мнѣ остается еще поговорить объ отношеніи къ намъ минусинскаго общества. Щедринскій чиновникъ «за себя и за дѣтей навсегда испугавшійся» былъ бы типическимъ представителемъ минусинскаго общества, такъ

какъ опасеніе всяческой отвѣтственности за самыя невинныя сношенія съ людьми, передъ правительствомъ опальными, настолько угнетаетъ Минусинцевъ, что они какъ мы уже видѣли, бѣгутъ этихъ людей даже въ ущербъ своимъ собственнымъ экономическимъ выгодамъ. Въ виду этого я не могу признать себя компетентнымъ въ разрѣшеніи вопроса, пользуемся ли мы симпатіями хоть небольшой части общества, хотя въ самыхъ скрытыхъ родникахъ его души.

За то многіе люди намъ враждебны—по убѣжденію ли, по пословицѣ ли: «на моей бабушкѣ сарафанъ горѣлъ, а твой дѣдушка руки нагрѣлъ»—манифестируютъ себя совершенно недвусмысленно.

Едва только мы пріѣхали въ Минусинскъ, какъ черезъ нѣсколько дней въ городѣ открылся рядъ пожаровъ. Этого было достаточно, чтобы нѣкоторые изъ минусинскихъ головотяповъ умозаклучали: *post hoc, propter hoc*, слѣдовательно мы то и есть поджигатели. Вскорѣ по этому поводу даже было внесено въ городскую думу предложеніе ходатайствовать передъ начальникомъ губерніи о выселеніи изъ Минусинска социалистовъ,—кличка, подъ которою разумѣютъ здѣсь насъ, административно-ссылныхъ по государственнымъ мотивамъ. *Volens-nolens* пришлось и намъ выступить на состязаніе и въ свою очередь обратиться къ начальнику губерніи съ просьбою сдѣлать дознание и объявить намъ, кто именно въ засѣданіи думы высказывалъ оскорбительныя для нашей чести обвиненія, чтобы мы могли возбудить противъ нихъ уголовное преслѣдованіе. Предложеніе о выселеніи насъ изъ Минусинска не только не прошло въ думѣ, но даже по поводу предъявленнаго ей губернской властію требованія объяснить обстоятельства, вызвавшія наше коллективное прошеніе, отвергнуть былъ самый фактъ внесенія въ думу вышеозначеннаго предложенія,—фактъ достаточно всему городу извѣстный¹⁾.

Послѣ этого столкновенія мы демобилизовались, но нельзя того же сказать о враждебныхъ намъ людяхъ, незатруднявшихся выдвигать противъ насъ самыя неудобныя приемы. Взгляните, что только при нашемъ опальномъ положеніи не можетъ послужить матеріаломъ для принесенія на насъ жалобъ и доносовъ.

На лѣто за городомъ въ жиденкой рошицѣ былъ устроенъ балаганчикъ, нѣкоторое мѣсто увеселенія. Разъ какъ то гнетущая скука погнала сюда на прогулку и нѣкоторыхъ изъ насъ. И вотъ уже въ губернской городѣ скачутъ курьеры! курьеры! курьеры! Тридцать тысячъ однихъ курьеровъ. «Ваше превосходительство! Прикажите рапортовать»—Рапортуй, братъ! Рапортуй!—«Социалсты угрожаютъ общественному собранію. Прикажите подтянуть!» Однако приказа не послѣдовало.

Не идетъ губернская власть на поддержку мѣстныхъ дрязгъ, а досадить хочется. И вотъ въ распорядительное собраніе городского клуба вносится предложеніе о воспрещеніи административно-ссылнымъ посѣщать клубныя собранія. Понятно, опять осычка. На этотъ разъ уже о клубный уставъ, не знающій административно-ссылныхъ, а только различающій лишенныхъ правъ отъ нелишенныхъ.

Однако довольно уже всяческой грязи. Я усталъ. Предоставляю тебѣ

¹⁾ Цікаво, що таке саме обвинувачення адміністративно-засланих щодо підпаду знято і в Красноярську після великої пожежі, що сталася вночі проти 18 травня 1882 р., коли вигоріла велика частина міста. Тільки завдяки тому, що енисейський губернатор Лохвицький ставився до засланих по людському, пощастило їм реабілітуватися. (Див. у Белоконського, „Дань времени“, с. 254—5). Лохвицького Белоконський взагалі згадує добрим словом за його ставлення до засланих і каже, що коли скинуто його з посади, то його, „якщо носились слухи, лишили будто-б то пенсії „за ссыльных““ (Там само, с. 255). Проте, той самий Лохвицький затримав і цю статтю Ковалевського до „Отечествен. Записокъ“, і ті його листи, що з ними познайомимось ми далі.

самому, читатель, сопоставить выведенную мною этнографію Минусинцевъ хотя бы съ газетными извѣстіями объ оваціяхъ, съ такимъ увлеченіемъ расточаемыхъ Юханцеву¹⁾ красноярскимъ обществомъ, и пофилософствовать на счетъ достоинствъ русскаго общественнаго мнѣнія.

Николай Ковалевскій.

Минусинскъ Енисейской губерніи. 2-го ноября 1880 г.

Про долю, що спіткала цю його статтю. Ковалевскій сам пише в листі до Ладиженського в 20 грудня 1880 р. ось що: «Статья эта была отправлена на усмотрѣніе губернской власти и, какъ узналъ я сегодня по частному письму изъ Красноярска, вслѣдствіе будто рѣзкости по содержанию и формѣ отправлена не по назначенію, а на усмотрѣніе еще высшаго начальства— не знаю кого: генераль-губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ я считаю мою статью уже погибшею». Отже бачимо, що про переслання статті «на усмотрѣніе еще высшаго начальства» Ковалевскій дізнався тільки через півтора місяці після того, як подав статтю у Минусинску, таї то «по частному письму». Така залежність від «усмотрѣнія начальства» дуже драгувала Ковалевського, як можна бачити з цитованого допіру листа до Ладиженського. «Какъ велико наше (административныхъ засланныхъ) безправіе не только матеріальное, но и нравственное,—каже він у цьому листі,—можно судить по тому, что не только вся наша переписка, входящая и исходящая, цензуруется полицейской властью, но даже и надъ нашимъ литературнымъ трудомъ, кромѣ общегосударственной цензуры, существуетъ еще специальная полицейская цензура». І ось він надумується вдатись до всевладного тоді Лоріс-Мелікова, що про нього вже у мпенській пересильній тюрмі, як дізнаємось із споминів Белокопського, ходили чулки, «что во главѣ Россіи стоитъ диктаторъ, графъ Лорисъ-Меликовъ, что, благодаря ему, чувствуются нѣкоторыя «новыя вѣянія», поговариваютъ о конституціи» («Дань времени», с. 133). Ковалевскій, загалом кажучи людина досить скептична й обачна, як видно хочби з того, що він передбачав своє заслання ще за рік перед тим,—також, очевидно, захопився тими надіями на напівліберального Лоріс-Мелікова, якими жила тоді вся російська інтелігенція, і не дїждавшись ніякої звістки про долю своєї статті у «еще высшаго начальства», 2 січня 1882 року вдається до Лоріс-Мелікова, як до міністра внутрішніх справ, в проханні про звільнення літературних його статтів від поліційної цензури:

«Въ ряду безчисленныхъ стѣсненій, тяготеющихъ надъ нами, какъ надъ административно-ссылными,—пише Ковалевскій у цьому проханні,—имѣется одно стѣсненіе, особенно оскорбительное въ смыслѣ нашего безправія. Я говорю о специальной полицейской цензурѣ, установленной надъ нашимъ литературнымъ трудомъ. Если цензурование нашихъ писемъ, входящихъ и исходящихъ, имѣетъ цѣлю, при общемъ къ намъ недовірїи, прослѣдить тѣ изъ нашихъ дѣяній, которыя внѣ этого условія остались бы безъ контроля, то въ примѣненїи къ нашему литературному труду нельзя представить даже и такого оправданія. Вѣдь рукопись же предназначается ко всеобщей гласности, а не для конспираціи, вѣдь она же пройдетъ черезъ чистилище редакціи и общегосударственной цензуры, слѣдовательно каждый нашъ преступокъ путемъ печатнаго слова можетъ быть и предупрежденъ и наказанъ. И если тѣмъ не менѣ надъ нашимъ литературнымъ трудомъ тяготеѣтъ, кромѣ общей, еще и специальная цензура, то не служитъ ли это убѣдительнымъ доказательствомъ, что мы, принципиально не лишеныя правъ, стоимъ de facto внѣ закона. Русское общество успѣло уже замѣтить и оцѣнить отношеніе Вашего сіятельства къ печати, пользующейся за послѣднее время сравнительно больш-

¹⁾ Герой відомого в ті часи кримінального процесу.

шей свободою. Подъ вліяніемъ Вашего же сіятельства вырабатываются теперь и новые законы о печати, долженствующие санкціонировать для нея лучшія условія жизни. Позвольте же и намъ, политическимъ поднадзорнымъ, какъ не лишеннымъ правъ, тоже принять участіе въ печатномъ словѣ и не въ качествѣ паріевъ, а на основаніи общаго для всѣхъ закона.

«Я рѣшаюсь обратиться къ Вашему сіятельству съ моею покорнѣйшею просьбою предписать полицейской власти г. Минусинска, указаннаго мѣст. какъ мѣсто административной ссылки, каждую мою статью, предназначенную для газетъ и журналовъ, немедленно же безъ всякой задержки, отправлять по назначенію, предоставивъ однако минусинской полиціи требовать отъ меня копію статьи, отосланной для напечатанія, коль скоро мѣстная власть по чему бы то ни было признаетъ это необходимымъ».

Проханія це зосталося гласомъ вопіючого в пустині і жадних наслідків не мало: його просто «подшито къ дѣлу». Нема на йому ніякої резолюції або помітки,—отже не видно навіть, чи докладали його Лоріс-Мелікову, ачи просто воно надійшло в департамент поліції гай зосталося там.

Тільки вже в березні 1881 р. дізнався Ковалевський з листа своєї сестри. Надії Василівни Филиповичевої, що статтю його єнисейський губернатор переслав до департаменту поліції. Звістка ця, видимо, непременно вразила його, як бачимо з відповіді Ковалевського на сестрин лист. Ковалевський розумів, що подія 1 березня не могла зостатись без наслідків, і в листі своєму каже: «Я предпочитаю дожидаться лучшихъ условий для печатнаго слова, чтобы двинуть мою корреспонденцію въ новомъ видѣ». І з цих слів, і з того що Ковалевському неприємно було дізнатися про передання його кореспонденції на перегляд у департамент поліції, можна думати, що він навряд чи сподівався добрих наслідків від події 1 березня, хочесь патяки в листі і на можливість иншого витолковання його сподіванок. У кожному разі він робить заходи, щоб кореспонденція не з'явилася друком, коли-б її, паче чаяння, департамент поліції пропустив, і 8 березня 1881 р. пише такого листа до редакції «Отеч. Записокъ»:

«Господишь Редакторъ! Всѣдствие тяготѣющей надъ литературнымъ трудомъ политическихъ административно-ссылныхъ, кромѣ государственной. еще и мѣстной добавочной цензуры, изготовленная мною для «Отечественныхъ Записокъ» корреспонденція, подъ заглавіемъ: «Изъ мѣстъ довольно отдаленныхъ», была отправлена 1 ноября прошлаго года на усмотрѣніе губернской власти. Что сталося съ моею рукописью, по какимъ инстанціямъ она теперь блуждаетъ—я не имѣю объ этомъ офіціального свѣдѣнія: изъ частныхъ же справокъ узнаю, будто корреспонденція моя отправлена въ послѣднее время на усмотрѣніе департамента исполнительной полиціи. Если бы моей корреспонденціи даже и удалось пройти между цензурными Силою и Харидою и добраться, наконецъ, до редакціи «Отечественныхъ Записокъ», то во всякомъ случаѣ она является настолько запоздалою, что я уже совсѣмъ не заинтересованъ видѣть ее въ печати, поэтому обращаюсь къ Вамъ съ просьбою, въ случаѣ получения Вами вышеозначенной корреспонденціи, уничтожить ее или же возвратити мѣст. обратно».

Єнисейський губернатор, звісно, і цього листа переслав до департаменту поліції, де він, розуміється, і був «пришитъ къ дѣлу».

Так скінчилися ці перипетії в митарствах злочасної кореспонденції. Крім цього допису та паперів у зв'язку з ним, що їх переслано до департаменту поліції, єнисейський губернатор тоді-ж таки затримав, яко визнані «неудобными для передачи по адресу», листи Ковалевського до Олексія Павловича Ладиженського в Томск, до сестри Ковалевського Надії Василівни Филиповичевої у Київ, до адміністративно-засланого також із Одеси Якова Миколайовича Шульгина в Красноярск і лист із Одеси до Ковалевського,

підписаний ініціалами «С. Ч». Хоча в листі, напр. до Ладигенського, єсть деякі повторення того, що нам відомо вже із статті Ковалевського про його заслання, навіть часом у тих самих висловах, що й у статті, та проте-ж єсть у цих листах і нові факти, що характеризують обставини життя Ковалевського на засланні. Тому я думаю, що незайвим буде подати тут лист до О. П. Ладигенського цілком, тим паче, що ми так мало маємо документів до біографії М. В. Ковалевського.

Лист до Ладигенського датований 20 грудня 1880 р. і заадресований у Томск «до востребованія».

«Милостивий государь, Алексѣй Павлович! Письмо Ваше отъ 11-го декабря получилъ. Благодарю за память. Что сказать Вамъ о своемъ житѣ-бытѣ? Живется мнѣ такъ плохо, какъ нельзя было и ожидать. Особенно за послѣднее время условія жизни настолько обострились, что является для меня возможнымъ открытiе новаго этапнаго путешествiя еще на нѣсколько тысячъ верстъ подалеже отъ родины, и притомъ по направленiю къ сѣверному полярному кругу. Бѣда въ томъ, что мы поставлены въ дѣлѣ заработка въ самое безвыходное положенiе. Намъ воспрещены всѣ виды государственной службы и многія отрасли частнаго труда. Дозволенное же является на практикѣ недоступнымъ. Мы, административно-ссылные, не можемъ открытiе самостоятельную торговлю, такъ какъ для этого нужны и подъемныя денежные средства, которыми никто изъ насъ не владѣетъ, и право выѣзда за предѣлы городской черты, которою мы обведены, какъ заколдованнымъ кругомъ. Не можемъ мы поступить и на службу къ какому нибудь купцу въ его лавку или контору, такъ какъ никто изъ нихъ не согласится, открывши намъ у себя заработокъ, накликать этимъ на себя доносы и заподозривать свою политическую неблагонадежность. Ремеслами мы не владѣемъ. Къ физическому труду не приспособлены. Былъ у насъ всего одинъ хотя и очень скромный источникъ заработка — трудъ педагогическiй, на который въ Минусинскѣ существуетъ запросъ настолько, что, при дешевизнѣ труда нашего, переселивалъ въ горожанамъ даже страхъ сношенiя съ поднадзорными. И вотъ недавно получается отъ енисейскаго губернатора требованiе обязать насъ подпискою не давать частныхъ уроковъ. Подчиниться этому требованiю для насъ значило или умереть голодною смертiю или протянуть руку за подаенiемъ. Понятно, что всѣ мы, минусинскiе поднадзорные, какъ ни разношерстенъ нашъ составъ, рѣшительно отказались на этотъ разъ отъ повиновенiя. Не можемъ и не хотимъ и впредь на этомъ пунктѣ быть уступчивѣе. И вотъ теперь всѣ мы, въ числѣ десяти человекъ, ждемъ или вниманiя къ нашему безвыходному положенiю или же мѣропрiятiй противъ насъ напримѣръ въ образѣ выселенiя насъ въ Туруханскъ или Якутскую область. Во всякомъ случаѣ, если властью будетъ предпочтенъ послѣднiй исходъ, все же, надѣюсь съ нашимъ переселенiемъ затянется мѣсяца на два. Объ исходѣ этого столкновенiя не уишу увѣдомить Васъ своевременно. Какъ велико наше безправiе не только матеріальное, но и нравственное, можно судить по тому, что не только вся наша переписка, входящая и исходящая, цензуруется полицейской властью, но даже и надъ нашимъ литературнымъ трудомъ, кромѣ общегосударственной цензуры, существуетъ еще спеціальная полицейская цензура. Я напримѣръ мѣсяца полтора тому назадъ изготовилъ для «Отечественныхъ Записокъ» статью подъ заглавiемъ: «Изъ мѣстъ доволно отдаленныхъ». Статья эта посвящена 1) изображенiю подвиговъ Тодтлебена и Палюткина за время управленiя ими новороссiйскимъ генералъ-губернаторствомъ, 2) исторiи моего путешествiя изъ Одессы въ страну заточенiя и 3) выясненiю деталей жизни административно-ссылныхъ вообще въ Восточной Сибири и въ частности въ г. Минусинскѣ. Статья эта была отправлена на усмотрѣнiе губернской власти и, какъ узналъ я сегодня по частному

письму із Красноярска, вслѣдствіе будто рѣзкости по содержанию и формѣ, отправлена не по назначенію, а на усмотрѣніе еще вышшаго начальства—не знаю кого: генераль-губернатора или министра внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ я считаю мою статью уже погибшею. Такое наше безправіе опредѣляетъ и наше отношеніе къ минусинскому обществу, которое въ примѣненіи къ намъ одною своею частью напоминаетъ щеринскаго чиновника, «за себя и за дѣтей навсегда испугавшагося»; другіе же обитатели дѣйствуютъ относительно насъ по пословицѣ: «на моей бабушкѣ сарафанъ горѣлъ, а твой дѣдушка руки погрѣлъ». Враги наши дѣйствуютъ противъ насъ дерзко, нахально; тѣ же, кого у насъ нѣтъ основаній считать врагами, при всякомъ столкновеніи нашемъ сейчасъ—въ кусты! Однажды дѣло дошло до того, что Минусинцы стали насъ обвинять въ прикосновенности къ происшедшимъ въ городѣ пожарамъ и задумали черезъ городскую думу хлопотать передъ губернскою властью о выселеніи насъ изъ Минусинска. Мы же всѣ подали губернатору прошеніе объявить намъ имена лицъ, высказывавшихъ въ думѣ оскорбительныя для нашей чести обвиненія, чтобы подвергнуть всѣхъ уголовному преслѣдованію за клевету. Столкновеніе кончилось ни чью. Однако довольно объ этихъ головопотахъ. Желаю Вамъ устроиться какъ можно лучше. Хотѣлось бы увидѣться съ Вами. Если мы уцѣлѣемъ въ Минусинскѣ, то не заглянете ли Вы ко мнѣ на пути слѣдованія къ Вашей службѣ. Ну, будьте здоровы и счастливы. Жму Вашу руку. Не забывайте къ Вамъ расположеннаго Николая Ковалевскаго.

Надежды быть амнистированнымъ совсѣмъ не имѣю. Примѣры убѣждаютъ, что возвращаютъ только такихъ, которые, согласно словамъ правительственнаго сообщенія, «подъ тяжестью переносимаго наказанія уже сознали свои заблужденія». Я же себя не отношу къ такой категоріи.

Постарайтесь, чтобъ намъ не потерять другъ друга изъ виду».

До певної міри в зв'язок із припискою до цього листа про зневір'я Ковалевського щодо амністії можна, по змісту, поставити лист за ініціалами „С. Ч.“, що прислала його якась, видимо, щиро прихильна до Ковалевського знайома чи приятелька його з Одеси. Хто криється за цими ініціалами, мені не пощастило з'ясувати, але, як видно, людина ця взагалі листувалась із Ковалевським і, як можна бачити з її листа, пропонувала йому скористуватися її матеріальною допомогою, колиб йому пощастило вернутись із заслання, а Ковалевський, з його звичайною делікатністю в грошевих справах, не вважав це за можливе. Цікаві, між иншим, ті міркування, які висловлено в цьому листі, що для визволення з заслання можна й одійти «отъ строгихъ принциповъ истины»,—цебто покаятись, хочби й нещиро, в своїхъ гріхахъ. Певно були з нею вже попередю якісь розмови про це, і Ковалевський мабуть сказав про своє амнестування щось подібне до того, що він сказав Ладженському.

Лист цей дає цікавий матеріал до характеристики Ковалевського, і тому я подаю його повністю. Із штампелів на куверті видно, що з Одеси цього листа послано 22 грудня 1880 р., а в Минусинску одержано 24 січня 1881 р. і Ковалевському його не передано, а одіслано до єнисейського губернатора, а цей і приєднав його до колекції иншихъ непереданихъ адресатамъ листівъ.

„Я полагаю, Николай Васильевичъ,—пише С. Ч.,—что полученіе писемъ отъ Васъ должно доставлять намъ большее удовольствіе, чѣмъ Вамъ отъ насъ. Какъ ни какъ, а мы все таки менѣе подвержены разрушающимъ впливіямъ разныхъ средъ, чѣмъ Вы. Поэтому, получивъ Ваше письмо, которое я ждала цѣлые два мѣсяца, я пришла въ неистовый восторгъ: я уже было вообразила себѣ, что отдаленныя мѣста удалили Васъ туда, откуда нѣкто не приходитъ. Съ большимъ нетерпѣніемъ жду появленія Вашей статьи въ печати.

Васъ отчасти предупредилъ Щедринъ въ ноябрьской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Онъ, говорятъ, такъ восхваляетъ подвиги извѣстнаго или скорѣе неизвѣстнаго администратора, что еслибъ у послѣдняго хоть на йоту было менѣе нахальства, то и тогда онъ пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ¹⁾; но, видно, не безъ основаній тотъ же Щедринъ доказываетъ въ одной изъ своихъ сказокъ «Пропала совѣсть», что она способна безслѣдно пропасть только въ генеральскомъ организмѣ. Я къ сожалѣнію еще не читала ноябрьскую книжку „Отечественныхъ Записокъ“. Она особенный интересъ имѣетъ теперь для меня. Нечего говорить, что я возликую, встрѣтивъ Васъ хоть въ печати.

Вы говорите, Николай Васильевичъ, что не сочли бы себя въ правѣ воспользоваться «моимъ любезнымъ предложеніемъ». Не понимаю, о какомъ это правѣ Вы говорите. Въ данномъ случаѣ ни права человѣка, ни даже традиціонныя права мужчины, какъ существа сильнѣйшаго, не потеряли бы ущерба; что же до правъ простыхъ, человѣческихъ пріятельскихъ отношеній, то Вы въ правѣ принять помощь на переѣздъ въ случаѣ помилованія не только отъ меня, но и отъ всякаго, кто паходилъ бы Ваше освобожденіе законнымъ удовлетвореніемъ справедливости и вызвался бы способствовать ему. Очень грустно, что существуютъ какія то права, лишающія меня возможности привести въ исполненіе „мое любезное предложеніе“.

Вы говорите, что ждете лучшихъ временъ, чтобы почетнымъ образомъ возвратиться на родину. «Пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ», говорить, кажется тоже, малорусская пословица. Конечно, Ваша нравственная брезгливость—одинъ изъ прелестнѣйшихъ, правильнѣйшихъ консонансовъ Вашего гармоническаго я, выражаюсь языкомъ музыкальнымъ; но въ музыкѣ существуютъ также, такъ называемые, правильные диссонансы, усиливающіе прелесть гармоніи. Я полагаю, что и въ данномъ случаѣ уклоненіе отъ строгихъ принциповъ истины будетъ стройнымъ правильнымъ диссонансомъ... Вѣдь и Галилей отрекся, стоя на колѣняхъ, отъ своихъ убѣжденій. Но неужели личность его сдѣлалась отъ этого менѣе почтенной?... Излагая Вамъ сіи правила житейской мудрости, я невольно припомнила одну народную побасенку: Говорятъ, что когда Наполеонъ I былъ на островѣ св. Елены, то каждый народъ предлагалъ ему свои услуги для освобожденія, и каждый указывалъ на средства, весьма характерныя для каждой національности: Французъ предложилъ освободить его силой, Нѣмецъ выкупить, а Русскій украсть. Вы, конечно, прочитавъ мое письмо, признаете и во мнѣ истую канашку. Что дѣлать! „Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна ухватка“. Вотъ печальное міросозерцаніе моей бѣдной родины...

Андреевскій возвратился, Борисовъ возвращается, что я вчера узнала изъ одной мѣстной газеты, а вотъ Вы... Вы, вѣрно, хотите иллюстрировать такъ какъ Вы, помимо своего желанія, иллюстрируете положеніе ученыхъ, ограничивающее теорію Дарвина: не всѣ высше организмы остаются побѣдителями въ борьбѣ за существованіе. Мастодонтъ, напимѣръ, говорятъ они, погибъ, а паразиты, жившіе на этомъ высшемъ организмѣ, существуютъ и теперь.

Намъ, значитъ, желающимъ Вашего возвращенія, остается лишь обращаться къ Господу съ молитвою: «Да придетъ царствіе Твое»,—т. е. царствіе правды и добра. Только въ такой стихіи Вы и можете существовать, только при такихъ условіяхъ выяснится Ваша правота передъ судомъ нравственнымъ и легальнымъ. Ну, до свиданія, Николай Васильевичъ. Надѣюсь на Ваше возвращеніе, о которомъ мечтаю, какъ о лучшемъ моментѣ моей жизни. Впрочемъ, если я и не увижу Васъ, а буду только знать, что Вы въ кругу своихъ, то и за это скажу спасибо судьбѣ. Безгранично я Вамъ

¹⁾ Мова йде, розуміється, про надруковану в цій книзі „Отеч. Зап.“ статтю Щедрина „За рубежомъ“, де виведено між иншим, „страстующаго администратора графа Твердоного“.

передана, передана до забвения своей личности. Будьте здоровы. Кстати, уведомьте меня о своемъ здоровьи. Пишите по прежнему адресу, т. е. въ университетъ.

С. Ч.

Поздравляю Васъ съ новымъ годомъ“.

Лист до сестри позначено 8 березня 1881 р., цебго тим числом, коли написано й листи до редактора «Отечественныхъ Записокъ» з проханням не друкувати статтю про заслання. Заадресовано листа рекомендованим у Київ (Гарасовека ул., д. мирового судьи Соколова № 9 въ кв. Герасимова, Надеждъ Васильевнѣ Филиповичъ).

«Дорогая сестра Надя! Письмо твое отъ 1-го февраля получилъ,—нише М. В. Ковалевскій.—Твое сообщеніе, что моя корреспонденція находится на просмотрѣ въ департаментѣ исполнительной полиціи, мнѣ не совсѣмъ пріятно. Чего добраго ее пропустятъ, а мнѣ теперь совсѣмъ нежелательно появленіе ея въ печати: слишкомъ она ужъ запоздала, а за это время такъ многое перемѣнилось и должно перемѣниться въ условіяхъ нашей общественной жизни, да и наша мѣстная, поднадзорная жизнь дала столько новыхъ и довольно интересныхъ фактовъ, что я предпочитаю дожидаться лучшихъ условій для печатнаго слова, чтобы двинуть мою корреспонденцію въ новомъ видѣ, значительно измѣнивши и дополнивши ее. Поэтому я сегодня же написалъ въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», чтобы, въ случаѣ получения моей корреспонденціи, ее никоимъ образомъ не печатали. А теперь инструкции относительно нашего литературнаго труда всецѣло убиваютъ его. Одинъ изъ нашей братіи, вычитавъ изъ газетъ о дозволеніи политическимъ административно-ссылнымъ обращаться съ своими прошениями въ высшія правительственныя учрежденія минуя промежуточныя инстанціи, захотѣлъ обратиться къ графу Лорисъ-Меликову съ какою-то просьбою; но на почтѣ принесенный имъ пакетъ не былъ принятъ способомъ общимъ для всѣхъ. Тогда онъ обратился къ начальнику губерніи съ запросомъ, насколько дозволено вышнеозначенное сообщеніе газетъ. По этому поводу отъ начальника губерніи получены отвѣтъ въ слѣдующихъ словахъ: «Никакого предписанія отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ въ этомъ смыслѣ ко мнѣ не поступило». Интересно, сообщенное газетами извѣстіе чистая ли выдумка, или право „жаловаться“ распространяется только на политическихъ ссыльныхъ нѣкоторыхъ губерній.

Наша жизнь въ Минусинскѣ вообще изобилуетъ всякими курьезами. Сообщу на этотъ разъ самоновѣйшій. Одинъ изъ насъ, князь Кропоткинъ¹⁾, отправилъ въ г. Ачинскъ, гдѣ въ это время по обязанностямъ службы находился жандармскій офицеръ штабсъ-капитанъ Ивановъ²⁾, подъ контролемъ котораго состоятъ его переписка, письмо съ двадцатью рублями на имя одного изъ петербургскихъ книгопродавцевъ. По возвращеніи въ Минусинскъ Ивановъ заявилъ Кропоткину, что письмо его съ деньгами сдано

¹⁾ Олександр Олексійович Кропоткин, брат відомого революціонера-анархіста Петра Кропоткина, адміністративно засланий р. 1876 за „політичну неблагонадійність“. Коли він відбув у Сибіру 7 літ, йому набавлено ще п'ять літ заслання. Року 1886-го він дістав дозвіл вернутися в Росію, але натомість сам собі смерть заповідав. У звістці про це „Восточное Обозрѣніе“ писало: „Нѣкогда довольно богатый землевладелецъ, князь Кропоткинъ за долгій періодъ ссылки въ Сибір прожилъ почти все свое состояніе, такъ что послѣ его смерти у него осталось имущества не болѣе чѣмъ на 300 рублей“. (Див. у Белоконовскаго, „Дань времени“, с. 269).

²⁾ Жандара Іванова той самий Белоконовскій характеризує, як „недалекаго, но хитраго“, і каже, що він „на словахъ постійно виражалъ (політичнимъ засланнямъ) соболѣзнованіе и, казалось, сочувствіе, что ввело даже въ заблужденіе нѣкоторыхъ, правда, весьма немногихъ товарищей, а на дѣлѣ занимался систематическими доносами и, запугивая Знаменскаго (минусинскаго справника), науськивалъ его на ссыльных“. („Дань времени“, сс. 290—1).

нимъ лично въ ачинской почтовой конторѣ, въ удостовѣреніе чего была выдана ему и квитанція, которую, онъ, однако, утерялъ. Между тѣмъ деньги не дошли по назначенію и, какъ оказалось по справкамъ, извлеченнымъ изъ книгъ Ачинской Почтовой Конторы, и вовсе не были отправлены, по крайней мѣрѣ въ теченіе того времени, о которомъ идетъ рѣчь. По этому поводу у Кропоткина съ Ивановымъ было объясненіе, при которомъ я, по приглашенію Кропоткина, тоже присутствовалъ, въ качествѣ свидѣтеля. Объясненія Иванова не показались Кропоткину удовлетворительными и онъ счелъ необходимымъ обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою произвести по этому дѣлу дознаніе, и съ мотивированнымъ въ этомъ смыслѣ прошеніемъ, во исполненіе требованія о соблюденіи инстанціи, явилась въ Иванову, какъ своему ближайшему начальнику. „Пока я низачто не перешлю прошенія“, былъ первый отвѣтъ Иванова. Хотя прошеніе это все же было принято, но Кропоткинъ, потерявъ должную увѣренность, что прошеніе его пройдетъ черезъ первую инстанцію, дабы отнарировать эту возможность, послалъ еще дубликатъ своего прошенія къ начальнику губерніи, съ просьбою переслать его все же къ министру внутреннихъ дѣлъ. Идемъ по этому поводу слѣдствія.

О моей жизни въ Минусинскѣ, думаю, ты имѣешь уже достаточныя свѣдѣнія; но какъ для тебя, такъ и для вообще интересующихся теперешнимъ бытомъ политическихъ поднадзороныхъ¹⁾, сообщая содержаніе только что полученнаго мною письма. Письмо отъ политическаго административно-сылнаго студента Ардасенова. Ссылка его въ Восточную Сибирь предшествовало пребыванію въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ въ домѣ предварительнаго заключенія, и какое то столкновение, происшедшее въ дорогѣ между нимъ и инструкторомъ Восточно-Сибирскаго тракта, привело его къ ссылке въ Средне-Колымскъ, городъ, расположенный на р. Колымѣ, самомъ крайнемъ сѣверо-восточномъ пунктѣ Якутской области. Вотъ что пишетъ мнѣ Ардасеновъ: „Въ самомъ „городѣ“ лѣтъ марокъ, поэтому пишу Вамъ открытое письмо. Насъ здѣсь девять человекъ: я, Ширяевъ, Чудновскій, Рябовъ, Собсовичъ, Зенковъ, Головачевъ, Федоровъ и Новоселовъ. Живется намъ крайне скверно. Не говоря уже о нравственныхъ страданіяхъ, физическія и матеріальныя условія нашей жизни здѣсь—хуже всякаго представленія. Ужасный холодъ. Страшный недостатокъ въ самомъ необходимомъ для жизни. На всей природѣ лежитъ печать какого то молчанія, суровой и страшной приниженности. Эта ужасная страна въ эту пору даже не согрѣвается солнцемъ. Оно уже давно не показывается на горизонтѣ. Въ ноябрѣ и генварѣ мы живемъ здѣсь въ сумеркахъ, а въ декабрѣ—въ потемкахъ, безъ солнца“.

Письмо это отправлено 4-го декабря 1880 г., ко мнѣ же въ Минусинскъ пришло 8-го марта текущаго года. Какъ тебѣ понравится такая жизнь, такая каторга, положенная безъ суда?

Поблагодари С. Е. и А. А. за присланныя ими ко мнѣ письма. Скажи С. Е., что я желалъ бы получить отъ нея дополнителныя свѣденія о Галѣ²⁾,

¹⁾ Підкреслені слова написано в листі буйнішими літерами. Очевидячки, Ковалевський звертав на них особливу увагу своєї сестри.

²⁾ Галія—дочка Ковалевського, що зосталася по заслання його у сестри Ковалевського Н. В. Филиповичевої; потім вона жила в родині Рубісових, а далі у Цвітківських. Що до ініціалів, то, як можна догадуватись, „С. Е.“ може означати Софію Миколаївну Єгуну, яка дуже цікавилася Галею, «А. А.»—можуть бути ініціали Олексія Андрієвського, що за нього вже згадувано попереду, а «О. П.», можна напевне думати, означає Ольгу Петрівну Цвітківську, дружину члена київської Старої Громади Цвітківського, який саме під той час переїхав до Петербургу. Щоб розшифрувати ініціали «К. Ф.», я не маю даних, так само, як і ініціали одеської кореспондентки Ковалевського „С. Ч.“, що від неї лист подано перед ним.

а именно: „по прежнему ли Галя любить врать, и вообще что можно теперь сказать о степени добросовѣстности или недобросовѣстности Гали?“ Отвѣтъ долженъ быть вполне правдивый. Кланяйся отъ меня К. Ф. и сообщи ей о моей жизни, что сама объ этомъ знаешь. Скажи ей, отъ меня, что для нея будетъ удобнѣе получать извѣстія обо мнѣ отъ тебя. Ей же, я думаю, вполне удобно писать мнѣ по прежнему. Скажи ей, что мое душевное настроеніе довольно бодрое и я надѣюсь скоро увидѣться съ нею.

Въ виду дѣла и возможности твоей экскурсіи въ деревню, причѣмъ я остался бы безъ адреса; въ виду того, что О. П. тоже вояжируетъ и можетъ совсѣмъ переселиться въ Петербургъ,—однимъ словомъ въ виду возможнаго затрудненія получать мнѣ своевременно свѣдѣнія о Галѣ, я прошу тебя прислать мнѣ адресъ какого нибудь солиднаго и осѣдлаго обывателя города Кіева. Подъ солиднымъ человѣкомъ я понимаю человѣка лично добросовѣстнаго и, по возможности, стоящаго внѣ всякой политики.

Какъ твое здоровье? Отчего ты мнѣ не отвѣтишь, чѣмъ ты больна?

Прощай! Крѣпко тебя и Галю цалую.

Любящій тебя братъ

Н. Ковалевскій.

PS. 5-го марта насъ, административно-ссылныхъ, приводили къ присягѣ; 5-го марта я послалъ тебѣ телеграмму съ просьбою „прислать мнѣ немедленно въ Минусинскъ сто пятьдесятъ рублей почтою на мое имя.“ Надѣюсь, что ко времени полученія тобою этого письма я уже буду имѣть вышеозначенныя деньги. Еслибы моя телеграмма затерялась, то съ полученіемъ этого письма немедленно же высылай мнѣ сто пятьдесятъ рублей. Общимъ кіевскимъ добрымъ знакомымъ мой привѣтъ“.

Останній з листів, що є в моїх руках, це лист Ковалевського до „административно-ссылного Якова Николаевича Шульгина“, в м. Красноярск, позначений також 8-м березня 1881 р. Лист цей найменше цікавий і складається, головним чином, з оповідання про конфлікт кн. Кропоткіна з жандаром Івановим. Проте, маємо в йому й деякі відомості про наміри Ковалевського.

«Дорогой Яковъ Николаевичъ! Извините моей надоѣдливости,—такъ починає цього листа Ковалевскій.—Возможно, что я стану хлопотать о переводѣ меня въ Красноярскъ. Сообщите мнѣ, насколько дорога жизнь въ Красноярскѣ и въ какой мѣрѣ могъ бы я рассчитывать на заработокъ. Наше минусинское житье, какъ Вы могли уже судить по моимъ прежнимъ къ Вамъ письмамъ, вообще богато „казусами“. Сообщу теперь новѣйшій,— і далі Ковалевскій розповідає про історію шахрайства Іванова з грішним кн. Кропоткіна слово в слово так, як розповів він про це в листі до своєї сестри.